

Публикации

Варфоломей (Городцев), Митрополит Новосибирский и Барнаульский

О грехе самоубийства¹

Посвящается учащейся молодежи

Многочисленность случаев самоубийства заставляет каждого из нас серьезно подумать об этом несчастье; а то, что численность самоубийств все более и более увеличивается, и в последние годы самоубийства сделались чуть не обыденным явлением, прямо даже обязывает вести борьбу с этим недугом. Особенно тяжело становится на душе, когда знаешь, что среди и нашей учащейся молодежи случаи самоубийства становятся явлением довольно частым, и самоубийцы восхваляются своими же товарищами и подругами.

В Тифлисе почти одновременно решились на самоубийство воспитанник 2-й мужской гимназии, к счастью, под непосредственным наблюдением великолепного в Тифлисе хирурга выздоравливающий, и шестнадцатилетняя Мария, воспитанница 1-й женской гимназии, отравившаяся раствором карболовой кислоты и в ужасных муках скончавшаяся, а при ее погребении некоторые из представителей учащейся молодежи пытались ее возвести в героини.

Говорят, что в Тифлисе есть общество фаталистов, самоубийц, имеющее в своей среде и учащихся. И члены этого общества будто бы по очереди и должны производить над собой такие ужасные эксперименты. Не дай Бог, чтобы так было, — но во всяком случае факты остаются фактами, и люди взрослые должны с этими фактами бороться, чтобы в той или иной мере противодействовать этим ужасам.

¹ Одна из ранних работ Митрополита Новосибирского и Барнаульского Варфоломея (Городцева). Впервые была напечатана в журнале «Летопись» ровно 100 лет назад, а затем в 1908 г. вышла в Тифлисе отдельным изданием: *Протоиерей С. Городцев. Мысли о самоубийстве.* — Тифлис, 1908.

Наши мысли и клонятся к посильному содействию уничтожения этого преступления.

Для нас прежде всего имеет значение не только самый факт самоубийств, но и то отношение к нему, те суждения по поводу его, какие слышатся в нашем обществе. Эти суждения часто и очень часто таковы, что в них сам рассуждающий является сочувствующим самоубийцам, — не только даже в смысле сожаления о судьбе преждевременно погибшего, но и в том смысле, что будь сам рассуждающий в подобных обстоятельствах, в каких несчастный самоубийца, он точно так же не остановился бы в раздумье пред возможностью окончить свою жизнь, чтобы прекратить страдания. Он считает несчастьем не само самоубийство, а те внешние обстоятельства, которые заставляют человека решиться на такой противоестественный поступок. Здесь прямо оправдывается самоубийство, так как вся вина и нравственная ответственность слагается с самоубийцы и переносится на внешние обстоятельства. А это, в свою очередь, не должно ли вести к умножению случаев самоубийства, ибо кто же гарантирован против такого или иного стечения несчастных обстоятельств? С кем не может быть тех или иных несносных страданий? Кого судьба всегда ласкает, кому не приходилось испытывать горьких разочарований внутреннего ли то или внешнего характера?

Случаи самоубийства возникают, по-видимому, исключительно вследствие безвыходного, по человеческому понятию, горя. Но поскольку понятия «горе» и «несчастье» — необыкновенно растяжимые и поскольку каждому свое личное горе представляется великим, постольку и случаи самоубийства являются по побуждениям совершенно разными. Лишает себя жизни гимназист, получивший худой балл на экзамене и чрез то отчаявшийся в успехе своем; стреляется незрелый юноша от безнадежной любви; отравляется или другим способом убивает себя девица, обманутая и брошенная любимым человеком; убивает себя чиновник, офицер с чрезмерно развитым самолюбием, претерпевший оскорбление; убивает себя лишенный внезапно своего имущества, удаленный с должности, подпавший под суд игрок, поставивший на карту все свое состояние и самую честь; зрелый государственный муж, допустивший в своем правлении нечестность, обеславившую его; безнадежно больной, не нашедший в себе силы переносить твердо мучительные страдания; философ-эвдемист, философ-пессимист и т.д., и т.д. Словом, обстоятельства, доводящие людей до самоубийства, столь же многочисленны и разнообразны, сколько многочисленны и самые случаи самоубийств. А из этого получается вывод, что судить следует не то или иное стечение обстоятельств, а людей, не умевших стать выше этих обстоятельств.

Преступление самоубийства стараются оправдать обыкновенно при помощи следующих соображений: человек — существо свободное, он сам располагает своей деятельностью, своим образом жизни, своим имуществом, сам выбирает для себя удовольствия и т.д. — не вправе ли он и располагать своей жизнью?

Наша вера прямо устраняет возможность такой постановки вопроса, внушая нам, что человек не имеет права распоряжаться своей жизнью, так как жизнь есть не человеческое приобретение, но дар Божий и, следовательно, прекратить жизнь может не кто иной, как Сам Жизнодавец Господь. Человеческая близорукость не имеет никакого права разрывать и уничтожать определенный Провидением план нашей жизни, своевольно вторгаться в верховные права Творца. Мы получаем жизнь, чтобы исполнить то, что в наших силах, дарованных нам, и каждый из нас, серьезно смотрящий на жизнь, в минуты бодрого духовного настроения не испытывает ли на себе силы для того, чтобы исполнить все, что представляется нам прекрасной плодотворной деятельностью? Не испытывал ли точно так же каждый из нас щемящей тоски во времена бездеятельности и лености, и не чувствуем ли мы при энергичной деятельности своей укор совести за проведенное в неделании время, за даром растроченные прежде силы?

Все эти душевные движения, испытанные каждым из нас, не ясно ли говорят нам, что не без цели мы явились на свет Божий, что для каждого из нас есть нечто, что мы должны поставить себе жизненной задачей и что мы должны исполнить с великим усердием¹.

Общая настроенность всех самоубийц решительно противоположна высказанному воззрению на жизнь, и ее можно характеризовать теми обличительными словами, которые известны еще из глубокой древности. В Книге Премудрости Соломона мы читаем: *«Неправо умствующие говорили сами в себе: „кортка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти, и не знают, чтобы кто освободил от ада. Случайно мы рождены и после будем как небывшие: дыхание в ноздрях наших — дым, и слово — искра в движении нашего сердца. Когда она угаснет, тело обратится в прах, и дух рассеется, как жидкий воздух; и имя наше забудется со временем, и никто не вспомнит о делах наших; и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный*

¹ Припомним лермонтовского Печорина в лучшие минуты его жизни, когда он оставался сам с собою и, чувствуя угрызения совести, испытывал в себе действительно «силы небесные» и призвание своей богато одаренной природы к великому. (Прим. авт.)

теплотою его. Ибо жизнь наша — прохождение тени, и нет нам возврата от смерти: ибо положена печать, и никто не возвращается» (Прем. 2, 1–5). И далее, опровергая неправомудрствующих, Премудрый говорит: *«Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни и не привлекайте к себе погибели делами рук ваших. Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Бог создал человека для нетления и создал его образом вечного бытия Своего»* (Прем. 1, 12–14; 2, 23).

Самоубийца, не познавший истины вечного своего существования, не познавший того, что **жизнь дана нам для работы во благо ближним**, грешит против Бога, попирая Его вечные законы, грешит против ближних своих, не желая до конца трудиться для их пользы, грешит против души своей, уготовляя ей в удел место с противниками Божества.

Подробно не имея возможности останавливаться на той мысли, что самоубийцы забывают то, что жизнь дана нам для работы во благо ближним, скажем во всяком случае по поводу этого следующее.

В настоящее время особенно настойчиво пишут и говорят «о жизни для других». «Освободители» всякого рода на эту тему наговаривают страшно много, но разговоры-то их не в ту силу направляются, т.е. критикуя высших и богатых, которые-де живут только для себя, они в юных сердцах вызывают только озлобление, недовольство жизнью, но никак не стараются о том, чтобы возбудить самые чистые, идеальные, возвышенные чувствования в душах юных, чтобы они — наши юноши — загорелись желанием до последней минуты жизни работать для других, хотя бы другие были и очень худы. Следствием такой проповеди «освободителей» является в душах юных не желание для других работать, а — или стереть с лица земли тех, которые «угнетают» (т.е. власти и капиталисты) низших и бедных, или же, разочаровавшись в жизни, покончить с собой, так как жизнь полна зла, несправедливости и жить не стоит.

С этой точки зрения, конечно, самоубийцы решаются на шаг исключительно эгоистический. **Решается на самоубийство только тот, кто весь охвачен и поглощен жгучей скорбью о себе**, кто приготовил себя к такому жалкому душевному состоянию на черные дни, привыкши видеть в одном своем личном благе высшее счастье и цель жизни. Если же мы сознаём себя нераздельными членами целого общества, если мы не приучили себя думать прежде всего и более всего о себе, если мы заботились о проведении в жизнь учения Христова о любви к ближним, подробно раскрытого апостолами (например, Рим. 12, 4–21; 1 Кор. 12, 12–27), если мы умеем радоваться радостью других и страдаем вместе с ними, ес-

ли мы проникаемся до глубины души *чувствованиями, какие и во Иисусе Христе* (Флп. 2, 5), то при твердой вере в Промысел Всевышнего ничто тяжкое, личное не может нас сокрушить. Мы можем надломиться — да, но у нас всегда найдутся силы, при содействии благодати, побороть личные страдания, и жизнь никогда не потеряет для нас своего великого значения, притом мы всегда будем благодарить Бога за малейший светлый луч надежды в тяжком положении нашем.

Если жизнь наша не сосредоточена на своем личном «Я», мы всегда будем сознавать, что бежать с поля битвы, **оставляя ближних**, есть явный знак неверия, малодушия, трусости и самого черствого эгоизма. **Никто из нас не вправе самопроизвольно расторгать наложенные на нас самой жизнью обязательства по отношению к ближним.** Даже возвышенное желание апостола Павла отрешиться от жизни сей, чтобы быть со Христом, останавливалось мыслью о назначении жизни для ближних: *«Для меня, — говорит он, — смерть — приобретение, имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере»* (Флп. 1, 21, 23–25).

Этот величайший пример чисто христианской настроенности и должно иметь в виду тем, которые налагают на себя руки, будучи «заедаемы средою» и не нашедшие в себе силы продолжать свою жизнь во благо ближних.

Обратимся к внутренним запросам духа человеческого, к требованиям своей природы.

Не противно ли духу человеческому всякое пролитие крови? Не считаем ли мы все вопиющим беззаконием всякого рода убийство? Не считаем ли мы совершенно противоестественным поднятие руки на самого себя? Если же и этого недостаточно, то укажем далее на ту великую особенность духа человеческого, что он при желании находит в себе силы для препобеждения каких угодно внешних обстоятельств; и не называем ли мы героем такого человека, который до самой смерти борется с неудачами и до самой смерти отстаивает свои идеи? Образ христианских мучеников, равно как и других великих борцов идеи, например, Галилея, Савонаролы, Гусса, заставляют невольно относиться к ним с уважением: невольно эти образы вдохновляют нас, невольно говорят нам о бессмертии духа человеческого. Внешние обстоятельства подавляли этих людей, но они не уступили им, даже до смерти боролись с ними и потому оставили свои вечно живые образы в поучение последующим поколениям.

Вам ли нас чему научить, слабодушные самоубийцы? Не напротив ли, видя богато от природы одаренного человека, поверженного в землю собственной преступной рукой, мы склонны упрекать его за то, что силы его остались неприложимыми, сгубил он их и не употребил для блага человечества.

Преступно самоубийство, преступны и рассуждения, оправдывающие самоубийства, — слышатся ли они в разговорах или выражаются в литературных произведениях. «Освободительная» литература со дней Горького и Андреева полна проповеди о бесцельности жизни, об отрицании загробного существования, о получении большого количества удовольствия на земле и о необходимости покончить с собой, если этих удовольствий нет, если богатые и сильные заедают бедных и слабых. К тому же подобные литературные произведения сами обличают себя своей внутренней несостоятельностью и самопротиворечием.

Таков, например, старый роман «Совесь зазрила» (Наблюдатель, 1893). Автор выводит пред нами женщину после совершенного ею убийства своего мужа и благодетеля. Ее-то и «зазрила совесть». Ищет эта женщина тихого пристанища, ей указывают монастырь с прославленной настоятельницей. Поступив в монастырь, она предается самым строгим аскетическим подвигам и уже недалеко становится от истинного успокоения, даже сама делается строгой обличительницей не только мирских людей, но и своей настоятельницы, притом обличительницей прозорливой. Но вот автор в то время, когда уже читатель склонен думать, что кающаяся найдет действительно мирный покой душевный, вводит в монастырь бывшего соучастника ее в преступлении, — и вся религиозная настроенность ее моментально пропадает. Снова выплывают в душе ее образ задушенного ею мужа и деньги, послужившие поводом к этому преступлению. Мучения ее внутренние воскресают в ней с новой страшной силой, она не в силах преодолеть их и — вешается.

Спрашивается: что хотел сказать автор этим романом? Зачем он посылает в монастырь преступницу? Неужели, по его мнению, исконное воззрение на монастырь как на тихое пристанище неправильно? Неужели религиозно-аскетическая жизнь, которой справедливо решила посвятить себя преступница, не может примирить кающегося грешника с укорами своей совести? Неужели аскетические подвиги с искренним раскаянием остаются втуне у Господа? Да и не сказались ли уже добрые последствия для раскаивающейся грешницы? Не есть ли потому конец романа простое недомыслие автора, взявшегося за раскрытие вопроса с предвзятой целью и по незнанию им основ христианской жизни решенно-го им совершенно неправильно. Говоря прямо, не есть ли этот роман от-

крытое оправдание самоубийства стечением известных обстоятельств, с прибавлением притом скептического отношения к началам христианского аскетизма, который не может будто уничтожить ни внутреннего разлада, ни угрызений совести? Тургенев, послав свою Лизу из «Дворянского гнезда» в монастырь и закончив на этом свою повесть, обнаружил несомненно свойственное истинному художнику верное понимание высоких потребностей души.

Как же может человек преодолеть препятствия, как может он стать выше обстоятельств, как он может бороться с ними, словом, — как может человек преодолеть искушения самоубийства?

Естественный разум человеческий, любящий жизнь ради жизни, инстинктивно относящийся с отвращением к пролитию крови и прекращению жизни, ищет для человека исхода в его невыносимо тягостных страданиях.

Одни такой исход указывают в энергичной работе, заставляющей человека забыть, отвлечь работу мысли и сознания в другую, противоположную область. Но может ли подобная какого бы то ни было рода работа заставить человека совершенно забыть свое прошлое, свои страдания, свою муку? А в минуты отдыха разве не посещают человека воспоминания о гнетущем, но тщательно скрываемом горе? И тем тяжелее для человека эти минуты, когда он видит, что не заглушает прошлого его настоящая работа. С особенной страшной силой будет он чувствовать свои былые, но не заглушенные в нем страдания.

Иные указывают на любовь к известной личности или к личностям, и из-за этой любви возможность перенести твердо всякие испытания. Но у больного человека разве может быть здоровая любовь, которая бы заставила его забыть прошедшее горе? Не видим ли мы часто обратное явление, что, пытаясь полюбить или воскресить свою любовь, человек страдающий с глубокой печалью видит, что он не может отвечать на любовь окружающих, его горе все собою наполняет, он бежит от всех, уходит в себя, и его отчаяние еще более увеличивается.

Указывают также на любовь к природе, способную возбудить в душе человека жизнерадостное настроение. Но может ли одна любовь к природе быть настолько сильной, чтобы рассеять в человеке мучительное настроение?

Чтобы не оставаться в области теоретических рассуждений, возьмем в пример одного из гениев человечества, в жизни которого действительно были ужасные страдания и в перенесении которых этот гений как бы

осуществил на опыте средства, рекомендуемые естественным разумом для должного перенесения несчастий. Мы разумеем Бетховена.

Страшная вообще, а для музыканта в особенности, глухота поразила Бетховена. И вот в душе его зародилась мысль о самоубийстве. Он готовится к смерти, пишет предсмертное завещание, в котором среди жалоб на страдания читаем следующее: «...все это привело меня в отчаяние, и я покончил бы с собою, если бы меня не удерживало искусство; мне просто невозможным кажется покинуть свет ранее, пока я не произвел всего, к чему чувствую в себе задатки. И вот я влеку это жалкое существование — поистине жалкое, ибо жду премены только к худшему. **Терпение** избрал я руководителем своей жизни».

Биографы Бетховена говорят, что его удержала от самоубийства также любовь к природе, сказавшаяся в написанной им скоро после упомянутого завещания так называемой Пасторальной сонате, проникнутой светлым философским всеобъемлющим чувством к природе. Но нам думается, что не это только спасло жизнь всемирного гения, а нечто другое, более сильное, указываемое биографами не как причина, побуждавшая Бетховена жить долее и долее, но как простой факт биографической последовательности. Мы разумеем тот в высшей степени знаменательный факт, что не позже как чрез год после завещания была окончена Бетховеном его единственная по высокому внутреннему значению своему оратория «Христос на Масличной горе» — знаменитая, по суду специалистов, не только своей художественной стороной, сколько психологической: «Упоительность страданием и вера в спасительность страдания» — вот, по мнению критиков, идея этой оратории. А имея в виду этот в высшей степени знаменательный факт, а точно так же и вообще религиозную настроенность Бетховена, сказавшуюся с особенной силой в конце его жизни в создании им мессы и Девятой симфонии — венцов творений гениальнейшего композитора, мы можем положительно утверждать, что спасла от самоубийства величайшего всемирного гения не столько любовь к искусству и любовь к природе (эти стимулы указывали только несчастному страдальцу на задачи его непосредственной жизненной деятельности), сколько и главным образом вера в страждущего Христа, перенесшего самые страшные страдания и по этому самому, по словам апостола Павла, всегда помогающего всем верным Ему страдальцам (Евр. 2, 18).

Не другой какой-либо образ носился пред несчастным глухим гением в первое время его болезни — конечно, время самое трудное для музыканта, могущее довести до совершенного отчаяния, — а образ Христа страждущего, и не общее представление о жизни Господа Иисуса Христа, во время всей земной жизни гонимого от иудеев, но именно представле-

ние о том ужасном моменте в жизни Господа, когда Он, безгрешный, обливаясь кровавым потом, с воплем крепким и слезами молился Отцу Своему, чтобы мимо Него прошла чаша смертных страданий, когда в душе Господа происходила мучительнейшая борьба чувств Христа-человека и Христа-Бога, окончившаяся решимостью Богочеловека идти на страшные мучения даже до конца за грешный род человеческий.

Этот сильный для всякого пример из жизни Бетховена важен для нас в интересующем нас вопросе о самоубийстве, конечно, не в том только отношении, что гениальнейшая натура Бетховена по указанным причинам удержала его от самоубийства, а в том именно отношении, что последняя из указанных нами причин есть единственно истинная, приложимая не к известному только человеку и не к известным только тягостным обстоятельствам, но ко всякому человеку, находящемуся во всякого рода и степени тягостных обстоятельствах и близкому из-за этих обстоятельств к самоубийству.

Терпение в перенесении приключившихся несчастий, **поддерживаемое и подкрепляемое образом страждущего Христа**, — вот единственно истинный путь в перенесении всякого рода страданий, стоя твердо на котором страдалец в земной жизни никогда не может споткнуться, никогда не может пасть от своей собственной руки.

Далеко не тайна, но самая очевиднейшая истина, что скорби в том или ином виде приходится испытывать каждому человеку, с большим ли он развитием или малым, внешние ли то скорби или внутренние. И эту очевиднейшую истину никто не станет оспаривать. И при том кто, не легкомысленно относясь к фактам своей жизни, по совести не может не сказать, что в его личной жизни не было таких условий, которые в иных личностях производили настроения, доведшие их до самоубийства? Один испытал горькие разочарования в первой любви и однако не покончил с собой; другой получил тяжкое оскорбление и однако не застрелился; третий по несчастным обстоятельствам впал в долги, однако живет и доселе, всячески выбиваясь из тяжелых обстоятельств; иной подпал под суд, однако нашел в себе силы перенести достойное по делам своим; иной испытал страшную смертную болезнь и однако скончался естественной смертью, не предупреждая тяжкого смертного конца собственной преступной рукой и т.д., и т.д.

А если мы вглядываемся глубже в явления собственной жизни и жизни нас окружающих, если мы вглядимся во всю историю человечества, то увидим даже более — мы увидим, что страдания неизбежны в нашей земной жизни, и в них открывается для нас истинный смысл ее.

Возьмем самые простые и каждому известные жизненные примеры. Кому из нас не приходилось наблюдать того постоянного явления, что тяжело больной, по возвращении здоровья встав с постели, чувствует себя обновленным, взгляд его на жизнь и на окружающих его просветляется, пробуждается жизнерадостное настроение. Но телесная болезнь и радость по выздоровлении, конечно, могут служить только некоторым подобием внутренней духовной болезни, борьбы совести с требованиями эгоизма, пробуждения совести после погрязания в пороках, оканчивающихся полным преодолением доброго начала над злым, когда душу человека согревает мирное, спокойное состояние после прежнего бурного, радостное — после мрачного, всепрощающее — после злобного и т.д. Ничем иным и нельзя объяснить то состояние тех преступников, которые сами решаются рассказать свои преступления и отдаться в руки правосудия, как только непреодолимым желанием страданиями искупить свои преступления, страданиями помириться со своей совестью, страданиями обновить себя и вернуть себе мир душевный.

Явления частной человеческой жизни совершенно совпадают с явлениями подобного же рода в жизни государственной и мировой. Не страданиями ли обновлялась и не в страданиях ли выросла сильная и могущественная Русская земля? Не после ли избавления от тех или иных бедствий она внутренне развивалась, энергично обновлялась и дошла до своего могущества? Не верят ли лучшие патриоты и в то, что и после современной смуты Русь вновь восстанет в былом и высшем могуществе, претерпев новые «судеб удары»? Не страдания ли древнего дохристианского мира вызвали обновление всего человечества, данное Господом? Не явился ли на землю Обновитель и Искупитель мира потому, что Его явления жаждало исстрадавшееся человечество, с внутренним воплем ждавшее от одного только Бога избавления от своих внутренних страданий? Не на страданиях ли и крови христиан первых веков укрепилась и расширилась, как многолиственное дерево, покрывающее всю вселенную, славная Церковь Христова? Не должен ли и каждый христианин в отдельности для получения желаемого им спасения вытерпеть до конца предлежащую ему лично чашу страданий? Не обязывается ли он вооружиться терпением — «терпение избрать руководителем своей жизни»? (Бетховен).

* * *

Но какие указания Слова Божия могут утверждать высказанные нами мысли?

В Священном Писании нет изречений, прямо свидетельствующих о самоубийстве как пагубном пороке, но оно дает нам это учение как непреложную истину указанием на примеры самоубийств с явным осуждением их и общим воззрением своим на жизнь и страдания. С видимым осуждением оно говорит о самоубийствах: Саула и его оруженосца (1 Цар. 31, 4, 5), Ахитофела (2 Цар. 17, 23), Замврия (3 Цар. 16, 18) и **сына погибельного** Иуды-предателя (Ин. 17, 12; Мф. 27, 3–5; Деян. 1, 16–20). К этим примерам можно присоединить и следующий рассказ книги Деяний святых апостолов: когда в Филиппах темничный страж, охранявший заключенных Павла и Силу, увидел открытые по молитве апостолов двери темницы и, подумав, что узники убежали, извлек меч, чтобы умертвить себя, то остановлен был **громким голосом** Павла, запрещавшим ему это преступное действие: *«не делай себе никакого зла»*, — возгласил апостол (Деян. 16, 24–28). Этот громкий возглас в устах проповедника вечного спасения несомненно выражал взгляд апостола на самоубийство как на пагубное зло. Что касается библейского воззрения вообще на жизнь человека и на должное отношение к бедствиям и страданиям, то оно решительно говорит против самоубийства как именно пагубного порока.

По учению Божественного Откровения, человек рождается в мир для скорбного жизненного пути — от той борьбы, которую назначается ему вести с грехом и последствиями греха; но он обязывается всегда покорно Промыслу и терпеливо переносить тяжести этой борьбы с верой и надеждой, чтобы достигнуть райского блаженства, возвращенного человечеству скорбным путем жизни и крестными страданиями воплотившегося Сына Божия. Божественное Откровение именует праведниками и убажает именно тех, которые *терпели до конца* (Мф. 10, 22). В послании апостола Петра убажаются Ной и Лот за то, что они, обращаясь между людьми развращенными, терпели ежедневные мучения, видя и слыша дела беззаконные, причем апостол прибавляет: *«весть Господь благочестивых от напасти избавляти»* (2 Петр. 2, 5–9). Праведный Иов, подвергшийся невыразимо страшным мучениям, и физическим, и нравственным, именуется Богом одним из величайших праведников (Иез. 14, 14, 20) за то именно, что вытерпел до конца посланные ему тяжкие испытания, причем самую мысль о самовольном прекращении страдальческой жизни своей называл **безумной** (Иов. 2, 9, 10). Не будем говорить о других праведниках — Аврааме, Исааке, Иосифе, Давиде, Иеремии и многих подобных им, прошедших скорбный жизненный путь с великим терпением, силою спасительной веры своей. Довольно будет для нас, если мы приведем поучительные слова о сем апостолов: *Вот, мы убажаем тех, которые терпели. Долготерпите и вы, укрепите сердца ваши* (Иак. 5, 11, 8). *Смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас*

в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. То угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби; ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его (1 Пет. 5, 6–7; 2, 19, 21). Не ропщите, — вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести (1 Кор. 10, 10, 13). Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное: праведный верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя (Авв. 2, 3–4); мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере ко спасению души. — Имея вокруг себя облако свидетелей, с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на Начальника и Совершителя веры Иисуса Христа, Который вместо предлежавшей Ему радости претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы забыли утешение, которое предлагается вам как сынам; сын мой! не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь кого любит, того наказывает (Притч. 3, 11–12). Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами как с сынами. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью, но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности. Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени (Ис. 35, 3) и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совертилось, а лучше исправилось (Евр. 10, 36–39; 12, 1–7, 11–13).

Заклучим завещанием Спасителя: В терпении вашем стяжите души ваша; претерпевый до конца, той спасен будет (Лк. 21, 19; Мф. 10, 22).